

Я проснулся от того, что что-то влажное и тяжелое прижалось к моему лицу. Сначала меня поразил резкий запах, похожий на аммиак. Это была не совсем моча, но достаточно близко, чтобы заставить меня усомниться в правильности своего жизненного выбора.

Я и так знал, что мой жизненный выбор был сомнительным. Теперь, видимо, кто-то решил задушить меня за них.

Я попытался пошевелиться, но мое тело, мое старое, хрупкое тело, не желало этого делать. Мои руки шарили под тонкими больничными простынями, слабые и медленные, хватаясь за края того, что меня душило. Оно было мягким, как подушка. А потом давление усилилось — настолько, что я перестал чувствовать зловоние. Я не мог дышать.

Кто-то действительно пытается меня убить.

Моим первым инстинктом должна была быть паника. То есть, конечно. Но в моем возрасте, наверное, инстинкт выживания не так силен, как можно было бы подумать. Тем не менее я не собирался уходить без боя. Мои руки вцепились в подушку, пытаюсь сдернуть ее, но это было похоже на борьбу с валуном.

— Не сопротивляйтесь, мистер Джонсон, — раздался тревожно бодрый голос, — Все скоро закончится. Обещаю!

Конечно. Звучит здорово! Я подумал: дай-ка я расслаблюсь, пока ты будешь душить меня до смерти. Может, я вздремну, пока ты будешь этим заниматься.

И тут меня осенило — этот голос. Этот глупый, с зашкаливающей жизнерадостностью. Это был Джимми. Джимми, медбрат. Парень был сложен как гора и, к сожалению, туп как гора.

— Джимми? — прохрипел я, хотя это больше походило на приглушенное ворчание. Подушка сильнее прижалась к моему лицу.

— Какого черта ты делаешь?

Я помотал головой, отчаянно пытаюсь найти хоть капельку воздуха, но его хватка была как тиски. Никакие повороты головы не могли исправить ситуацию.

— Я не знаю, почему ты так сопротивляешься, — сказал Джимми, его голос по-прежнему был неуместно солнечным для человека, совершающего убийство. — Ты вчера просил об этом, помнишь?

«Что я сделал?» — мысленно закричал я, продолжая извиваться под подушкой.

— Ты сказал, что хочешь умереть, — продолжал Джимми, словно напоминая мне о наших планах сходить за мороженым, — Так что я просто помогаю тебе!

Мои мысли завертелись в голове. Вчера? Я до сих пор отчетливо помню его. Завтрак. Чай. Я наконец-то дочитал «Хантер х Хантер» — это заняло достаточно много времени, учитывая, что я начал его, когда у меня еще были волосы. Потом был сон, который, конечно же, прервала Делорес, бродячая восьмидесятилетняя женщина, которая почему-то решила, что моя кровать — идеальное место для непрошеного поцелуя. А ее дыхание? Оно могло содрать краску со стен.

Я мог бы тогда сказать что-нибудь о желании умереть. Ведь ее дыхание действительно было настолько ужасным.

Но я не имел в виду буквально!

«Ты, наверное, шутишь», — подумал я, паника нарастала. Этот идиот собирается убить меня из-за недоразумения.

Мои хрупкие руки вцепились в руку Джимми и попытались выдернуть ее. Безуспешно. Я царапала его кожу, чувствуя, как тупо скребут мои ногти, но он даже не вздрагивал.

Джимми разразился смехом, не обращая внимания на то, что я очень даже не пытаюсь умереть.

— Я не знал, что у тебя есть пристрастие к щекотке, мистер Джонсон!

О. Боже мой. Боже.

Как такой глупый человек смог стать медбратом? Он может считать калории, как тренер по фитнесу, и составлять сложные планы тренировок, но почему-то не замечает, что люди, борющиеся за свою жизнь, на самом деле не хотят умирать?

Мои руки становились все слабее. Я чувствовал, как с каждой секундой уходят силы, как горят мои легкие, отчаянно требуя воздуха. Мое зрение начало расплываться, и по мере того как темнота подкрадывалась к краям, перед глазами промелькнула моя жизнь, похожая на все клише.

Родился в Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка в семье матери-алкоголички и жестокого отца. Выбрался из этой дыры, поступил в колледж, получил несколько дипломов и стал одним из лучших мозговых хирургов в стране. Женился дважды — сначала на своей секретарше (плохая идея), затем на более молодой, более... впечатлительной женщине (еще более плохая идея). Оба закончились разводом, разумеется. Я был хорош в спасении мозгов, но когда дело доходило до отношений? Катастрофа.

Мои дети не разговаривали со мной десятилетиями. Не могу их винить. Большую часть их детства я провел либо в больнице, либо в бутылке. Забавно, правда? Человек, который вправлял людям мозги, не мог справиться со своими собственными.

И вот теперь я лежу на больничной койке без гроша в кармане, с мозгом, полным опухолей, с которыми я, великий нейрохирург, не смог ничего поделать. У жизни извращенное чувство юмора.

Разве это не ирония? Лучший нейрохирург Америки умирает от рака мозга. Космическая шутка, если таковая вообще может быть.

Подушка прижалась сильнее. Грудь болела. Зрение затуманилось. Я чувствовал, как слезы жгут уголки моих глаз. Я не плакса и никогда ею не был. Но от осознания того, что я вот-вот умру — вот так, задушенный медбратом-идиотом, — все рушилось.

Я действительно собираюсь умереть.

Это было удушье, как в прямом, так и в переносном смысле. Это не было мирным. Не ни мягкого погружения в ночь, ни тихого ускользания в лучшее место. Только холодная, подкрадывающаяся тьма и жало сожаления.

Я бы хотел, чтобы у меня был еще один шанс. Я бы сделал все по-другому.

Было так темно.

Так холодно.

Я не мог дышать.

Я хотел... Хотел...

...Жить.

Я не знал, что было дальше. Может, я потерял сознание. Может быть, я уже умер. Но когда я открыл глаза, вокруг был ослепительный, яркий свет. Не стерильное больничное освещение, не

тусклые флуоресцентные лампы, к которым я так привык. Свет был другим. Теплым. Почти манящим.

И я... Проснулся.

Второе, что я заметил — это то, что я больше не лежал. Не было ни ритмичного писка кардиомониторов, ни грубых больничных простыней, окутывающих меня своими привычными стерильными объятиями. Вместо этого я был в вертикальном положении — точнее, стоял. И я больше не в больнице, это было очевидно.

Я заморгал и огляделся. Ощущение было такое, будто я попал в какой-то элитный магазин. Гладкий, современный, минималистичный. Здесь была та же холодная, стеклянная эстетика, что и в магазине Apple, только вместо телефонов по завышенным ценам здесь были ряды станций, за которыми сидели люди, направляемые, как я мог предположить, сотрудниками. Над помещением висела гигантская вывеска, ее чистые буквы были почти слишком жизнерадостными, учитывая обстоятельства:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В БЮРО ПЕРЕРОЖДЕНИЯ!

<http://tl.rulate.ru/book/121866/5122386>